

## ВОПРОС О ПРОИСХОЖДЕНИИ ОРГАНИЗМОВ

«Дарвинизм. Критическое исследование Н.Я. Данилевского». Том II (одна посмертная глава). С портретом и указателями ко всему сочинению. С.-Петербург, 1889 г.

Второй том критического исследования Н.Я. Данилевского должен был содержать разбор учения Ч. Дарвина о происхождении человека. Смерть неожиданно прервала работу автора, и теперь являющаяся глава есть единственное, что он успел приготовить для этого второго тома. Она посвящена разбору учения об экспрессии, которая во многих случаях является общею у человека и животных и указывает, по мнению Дарвина, на происхождение первого от какой-то формы вторых. В своё время глава эта была напечатана на страницах «Русского Вестника» (1887 г., май), и потому мы не будем ничего говорить о ней. В настоящем издании она сопровождается обширным введением, написанным Н.Н. Страховым, и несколькими указателями. Введение относится не к изданной теперь главе, но ко всему критическому исследованию Н.Я. Данилевского и может служить руководящею нитью при изучении этого обширного труда; указатели предназначены облегчать всевозможные справки в нем.

### I

Высокий интерес, который связан с теориею Дарвина и её критикою, обуславливается тем, что она явилась косвенным разрешением вопроса, в течение длинного ряда веков тревожившего человеческое сознание, - вопроса о причинности и целесообразности. В философских школах древней Греции и в средневековых университетах, среди последователей картезианизма и между учениками Кювье, - всякий раз, когда поднимался этот вопрос, человеческая мысль глубоко волновалась, и люди разделялись на враждующие стороны. Лежит ли в основе миростроения и мироразвития один который-нибудь из двух называемых принципов, или, по недостаточности каждого из них в отдельности, они должны

быть признаны оба - вот сомнение, разрешение которого, всякий чувствовал, должно не только повлиять на весь круг наук, но и определить судьбу многих глубоких верований человека, на которых, сознательно или бессознательно, до сих пор всегда покоилась его жизнь. В разгадке этого вопроса содержится не только указание, как единственно может человек понимать природу и объяснить её явления, но и ответ на то, следует ли ему видеть в себе самом и в своей мысли факт одиночный в мироздании, без аналогий, без каких-либо связей с ним, более интимных и глубоких, нежели какие существуют между зрителем и наблюдаемым предметом.

Правда, сам Дарвин ничего не говорил об этом вопросе; но едва появилась его теория - все почувствовали, что она служит именно ответом на него. Как натуралист, он взял свою задачу гораздо уже, но и вместе - с самой трудной её стороны. Ничего не говоря о мироздании и строго воздерживаясь от философских соображений, он объяснил одну часть в нём и выполнил это с помощью простых и ясных приёмов, установившихся в естествознании. Он подметил некоторые процессы, имеющие место в природе, создал некоторые предположения, не имеющие в себе ничего невероятного, и искусно дополнив первые вторыми - дал объяснение происхождению и устройству органического мира, исключаящее целесообразность. И так как органический мир яснее, чем все другое в природе, обнаруживал в своём строении и развитии присутствие целесообразности, то, раз показана была мнимость этой последней в нём, не оставалось никаких причин удерживать её, в качестве объясняющего принципа, и для остальных частей космоса.

Здесь мы должны остановиться на некоторых особенностях учения, созданного Дарвином. Несомненно, устранив целесообразность, как объясняющее начало, он не назвал, однако, своего объяснения и причинным. И чем внимательнее последователи и антагонисты этой теории вдумывались в её смысл, тем более затруднялись они в определении её значения: одни не видели в ней причинного объяснения; другие утверждали, что она носит причинный характер, и что только объясняющие причины должны быть отнесены в

глубь времён. Ясно, что и для тех, и для других причинный характер объяснения не был отчётлив, твёрдо убедителен. И вот наряду с двумя единственными объяснениями, которые возможно было бы ожидать для всякого происхождения и устройства, очень упорно называется третье - объяснение через *случайное*.

В теории Дарвина есть одна особенная странность, которая и породила это недоразумение, но она почему-то никем не почувствована с достаточною живостью и яркостью. Будучи (по задаче своей) теориею *происхождения* органических форм, она в действительности говорит только об их *сохранении*; или точнее и строже: о несохранении форм, за исчезновением которых остались те, которые наблюдаются. Все процессы, указанные им в природе, имеют лишь это последнее значение, но лишены какой бы то ни было созидательной, производящей силы. Наследственность передаёт потомству изменения, возникшие у предков; размножение организмов в геометрической прогрессии и вытекающая отсюда борьба за существование, уничтожая неизменённые благоприятно особи, способствует сохранению тех, которые изменены благоприятно. И здесь, и там *изменения рассматриваются, как уже данное*; а то, что объясняется теориею, есть лишь процесс сохранения. И это необыкновенно странно для учения, которое и само себя понимает, и принимается другими, как учение о происхождении, о генезисе, - о том, в чём есть движение и вариирование: способ возникновения изменения, а не их сохранения, есть основная задача, разрешение которой мы ожидали бы от подобного учения. Естественный или искусственный подбор, даже если он действует вечно, только присоединяет, «суммирует», по выражению Дарвина, одну новую черту в организме с другою, уже ранее возникшею. *Но и то, что он присоединяет, и то, к чему присоединяет, возникло помимо его и ранее, чем он начал своё действие*. Он же не созидает ни одной новой черты в организме; к тому, что есть в природе, не присоединяет даже йоты. Таким образом, в теории этой являются странным образом смешанными понятие возникновения, появления, и понятие сохранения, не исчезания только. Отсюда вытекает то, что её причинный характер так не ясен. Никакое возникновение не может происходить иначе, чем которым-нибудь из этих двух способов:

причинным или целесообразным; но разрушение или сохранение возникшего может быть результатом случайности, и вот почему это последнее понятие - столь несовместимое с представлением возникающего, образующегося - так упорно прилагается к дарвинизму, и действительно совмещается с ним, как теорией и не имеющей объяснить какое-либо происхождение.

Здесь мы дадим, кстати, определение *случайного* - понятия, от которого не в силах ни освободиться наука, так как оно, очевидно, имеет место в жизни природы и человека, ни как-нибудь овладеть им, признать его, потому что оно, по-видимому, ускользает от определения причинности - совершения по основаниям, чему все должно быть подчинено. Есть масса явлений, относительно которых все живо чувствуют, что они не находятся к окружающему в отношении толчка и движения, причины и следствия: что тут замешано что-то иное, чему и принадлежит всё их значение, - и их отделили в особую область, которой дали имя случайного. В действительности *явление, которое мы называем случайным, есть синтез двух простых, из которых каждое причинно, но не в том ряду, в котором причинно другое, и оба не согласованы ни в чём третьем*. Таким образом, случайное относится к положению, а не к существованию, - и не к элементам предмета или явления, но к их синтезу, который в возможности, потенциально, всегда существовал, и только поэтому получил реальные формы, когда эти элементы соприкоснулись. Так, смерть человека от падения обломка скалы, под которую он шёл (типичный пример случайного) есть сложение двух простых явлений: 1) того, что он шёл в данном месте, 2) того, что в это время сюда упал обломок скалы; и оба эти явления в отдельности причинны, но только каждое в особом ряду, для которого не существует другого ряда, ни какого-либо звена его. И самый синтез их, - смерть человека происшедшим способом, всегда существовал, но лишь в сфере неопределённой возможности (в ряду других бесчисленных способов умирания) и теперь выделился из неё, стал действительностью, как выделяется звук от удара двух цепей, в которых (явно) его не было и в которых (в возможности) он был. Таким образом, случайное не нарушает причинности; но только эта последняя проявляется здесь особым характерным способом: факт случайный есть тот, который

происходит как бы не от своей причины, а от того, что есть следствие в ином причинном ряду - с этим фактом, однако, не согласованном (что было бы целесообразностью). Он порождается пересечением двух или более процессов независимого происхождения; впадением звена одного процесса в ряд звеньев другого, что на момент разрывает их и производит третье явление (случайное), которое в целости своей не содержалось ни в котором из встретившихся процессов (видимая беспричинность случайного), но *как часть, ожидающая лишь дополнения остальных частей до целого*, содержалось в каждом процессе порознь (действительная причина случайного). В сфере скрыто предустановленного, что мы называем потенциальностью, находят своё примирение и объяснение случайное и причинное.

Это определение случайного охватывает, как кажется, все явления, которым мы могли бы дать это имя. И под него подходит также естественный подбор, как синтез нескольких процессов независимого происхождения, между собою не согласованных. И в самом деле, вот его факторы: 1) индивидуальные изменения, появляющиеся в особях случайно и во всевозможных направлениях, 2) условия внешнего существования, которые могли бы более согласоваться с одними из появляющихся изменений, нежели с другими, которые также появляются, 3) геометрическая прогрессия размножения, 4) недостаточность средств существования для всех особей, сколько бы их ни произошло, и 5) случайное спаривание особей, благоприятно изменённых с особями получившими такие же изменения (теперь или в далёком потомстве). Все эти пять факторов случайны по отношению друг к другу, их отношение чисто внешнее, ни который из них не содержит в себе остальных и сам в них не содержится. Но из них два: индивидуальные изменения и спаривание одинаково изменённых индивидуумов - случайны не только в отношении к остальным факторам, но и каждый внутри себя, во всяком отдельном звене своём. И в самом деле: каждое изменение случайно (по Дарвину), так как оно не находится ни в каком отношении к предыдущим изменениям, от них несколько не зависит, и не подчинено вместе с тем какому-либо закону. Здесь случайное достигает той степени своей - той высоты, где она теряет всякое отношение к причинному, и мы отказываемся допустить, чтобы она имела место в природе. Второй фактор –

спаривание, случайно также в каждом своём элементе порознь, но лишь в строгом и ограниченном смысле того определения, которое мы дали выше для случайного: в отдельности каждое спаривание обуславливается не цепью предыдущих спариваний, а (случайною) встречей особей, которые одинаково изменены. И между тем, эти два фактора суть самые важные в естественном подборе: им одним принадлежит охраняющее значение в природе, прочие же всё объясняют только, как погибло, почему не сохранилось то, что и не наблюдается, чего нет в формах органического мира (уничтожение неблагоприятно изменённых особей в борьбе за существование).

Построив теорию естественного подбора, Дарвин описал только то, что происходит на поверхности природы - различные комбинации уже возникшего; но он не объяснил самого возникновения, не заглянул внутрь природы - туда, где совершаются её глубокие и скрытые процессы. Этот недостаток теории: то, что, имея объяснить, как *происходит*, она объясняет лишь, как *сохраняется*, - есть основной в ней, за которым мы не хотим даже рассматривать остальных недостатков. В сущности всё, о чем идёт спор между дарвинистами и их противниками, т.е. нивелирующее влияние скрещивания или возможность подбора и при нём - всё это вовсе не касается органических новообразований. Спор идёт только о том, что делается с первоначальным индивидуальным изменением: он *не переступает за границу этого вопроса и не может этого сделать*, потому что лишь одно это изменение, его дальнейшая судьба, раз оно случайно возникло, составляет весь предмет теории - то, о чём она написана. Пусть говорят, что существование этих индивидуальных изменений общеизвестно, что они бывают всевозможного характера; это нисколько не делает их понятными для нас, а их разнообразие не свидетельствует об их беспорядочности, об отсутствии какого-либо закона при их возникании. Именно эти изменения, открытие порядка в их появлении и исследование причин последнего - и есть задача науки о происхождении органического мира; и то, что мы окружены ими, что мы всё знаем, что он есть, - говорит только о том, что мы живём в море органической жизни, не замечая его, как не замечаем воздуха, которым дышим, и не хотим понять, что это и есть самое интересное и

самое нужное, что нам предстоит исследовать. Теория же подбора этот именно вопрос и обходит.

## II

И здесь, раз вопрос идёт о *возникновении* об органических *новообразованиях*, тотчас выступает возможность и необходимость говорить о причинности и целесообразности.

Причинность и целесообразность суть два различные способа соединения звеньев, которые слагают из себя процесс, совершение; то, что варьирует в природе, в последующие времена не остаётся тем же, чем было в предыдущие. Присутствие одного или другого способа налагает известные определённые черты на самый процесс, и, наблюдая их - мы можем открыть его. Как и повсюду в науке, здесь приобретает определённый смысл и становится возможною для разрешения задача: по данному наблюдаемому определить скрытое, что с ним связано некоторым определённым способом.

Таким образом, зависимость формы процесса и того, что возникает по его окончании, от способа соединения звеньев, из которых слагается он - есть первое, что предстоит разрешить в вопросе о причинном или целесообразном происхождении и устройстве органического мира.

Различие между причинностью и целесообразностью состоит в различном отношении наблюдаемого изменения к тому, что служит для него основанием. Всякий раз, когда это основание или предшествует ему во времени, или с ним одновременно - мы называем самое изменение причинным; напротив, если это основание лежит в том, что следует за изменением во времени - мы называем изменение целесообразным. Так, движение, вызванное толчком, или колебание различной цены продукта в зависимости от спроса и предложения есть изменение причинённое; построение же здания или установление каких-нибудь политических отношений есть изменение целесообразное, так как здесь ожидаемое в будущем есть основание, по которому совершается и с чем соотнобразуется то, что происходит.

Ясно, что, так как предшествование, одновременность и последование исчерпывают возможные отношения между собою звеньев во всяком процессе, то никакого иного характера, кроме причинного или целесообразного, между ними не может существовать. Они исчерпывают собою сферу вариирования в природе, не оставляя места в ней для чего-либо третьего.

Эта невозможность третьего допускает при частных исследованиях природы замену прямого и положительного доказательства (где оно почему-либо неудобно) - косвенным и отрицательным: всякий раз, когда достаточно обнаружено, что данный процесс не есть причинный, - с равной достаточностью обнаружено, что он целесообразен, и наоборот.

Теперь установим важнейшие соотношения, которые существуют между звеньями всякого процесса, совершающегося по способу механически действующей причинности. Эти соотношения вытекают из самых понятий «причины» и «действия», - и из условия, что первая здесь или предшествует второму, или с ним одновременна. Вследствие того, что очевидность этих соотношений очень близка к аксиоматичности, строгое доказательство их очень трудно и сложно. Мы поэтому опустим здесь эти доказательства, не отказываясь, однако, представить их, если б это потребовалось. Но, по очевидности нижеприводимых положений, требования доказать их едва ли можно ожидать. И в механике такие понятия, как инертность, не доказываются, но лишь разъясняются. При механически действующей причинности:

I. То, в чём изменение, и то, откуда оно, всегда раздельны. Этот первый и основной принцип устанавливает двойственность во всяком механическом процессе, отрицает единство существа, в котором он мог бы быть замкнут. Каким бы внутренним ни представлялось для нас явление (например, в органах растения или животного) - всякий раз, когда мы называем его причинным, мы ничего другого и не говорим о нём, как только то, что оно вызвано основанием, которое лежит вне его, что оно произведено или предшествующим, или окружающим. Представление раздельности причиняющего и того, чему что-либо причиняется, не отделимо от представления механизма; оно



тождественно с ним, есть его определение. При этом, когда основание предшествует изменению - оно отделено от него временем; когда одновременно с ним - отделено пространством, не совмещается с ним.

Это первое положение о механически действующей причинности, которое мы назвали бы принципом раздельности изменяющего от изменяемого, влечёт за собою некоторые следствия, которые могут считаться только его модификациями; они следующие:

1) Причинение в механически совершающемся процессе всегда бывает наружное; отсутствие чего-либо внутреннего есть постоянный и необходимый признак всякого механического процесса в его целом.

2) Изменяемое по механически причинному способу всегда бездейтельно по отношению к этому изменению, которое в нём возникает. Это - известное начало инертности, которое признаётся в механике первоначальным требованием для вещества и логически распространяется на всё, о чём мы утверждаем, что оно подчинено только механизму. Если с неопределённого вещества, рассматриваемого в механике, мы перенесём понятие инертности на отдельные существа, то можем разуметь под нею их безразличие к тому, чем стать.

Заметим, что принцип инертности не есть первоначальный для вещества, как это устанавливается в механике: он вытекает как следствие из наружности всякого механического причинения, которое в свою очередь опирается на раздельность в нём изменяющего от изменяемого. Однако, принцип этот необыкновенно важен. Он кладёт грань, откуда расходятся два великие порядка природы: один, в котором господствует безжизненное подчинение - это мёртвая природа, и другой, в котором господствует вечная деятельность - царство жизненного напряжения.

Нельзя обойти молчанием, что из принципа инертности прямо вытекает требование, что сила, как причина изменения, имеет наружное положение по отношению к веществу, что она не есть его свойство, нисколько не истекает из него, но напротив облекает его собою и движет; по крайней мере это так по отношению ко всякой силе, действующей по способу механической причинности. Представление, что сила есть свойство вещества, как кажется, не имеет

другого основания, кроме так часто повторяемой мысли, что «нет силы без вещества». Но это основание таково, что на него нечего опереть: не всё то, что неизменно сопутствует другому, что от него неотделимо, есть поэтому и его свойство. Вогнутость не отделима от выпуклости и, однако, равнозначуща ей и противоположна по направлению. Постоянно сопутствующее друг другу, тотчас исчезающее с исчезновением другого - не всегда относится даже к одному порядку явлений: чувство грусти, выраженное в нарисованном образе и волнующее нас, не отделимо от черт и красок, которыми нарисован образ, и, однако, не имеет с ними ничего общего. Заметим ещё, что сила всемирного тяготения или действует не так, как это представлял Ньютон, или, если его представление было справедливо - она не есть сила механическая. Единственный способ представления её, совместный с механизмом, есть тот, который придуман был в начале нынешнего столетия женевским учёным Лесажем. И действительно, очень простое соображение может убедить, что причина взаимного тяготения тел друг к другу не может лежать в самих телах, как их свойство, но вне их, снаружи, как нечто облегающее их и давящее на них. И в самом деле, если мы согласимся на первое, то спрашивается: как проявится это свойство в частице вещества, если она одна? и если очевидно, что в ней не может быть тяготения, потому что ей не к чему тяготеть, то как можем мы думать, что то, чего не находится ни в какой частице, взятой отдельно, находится в каждой из них, когда они собраны вместе?

Второй принцип механически действующей причинности основывается на одном из указанных выше следствий и может быть выражен так:

II. Механическое причинение всегда происходит по способу прикосновения. Это начало вытекает из наружности всякого механического причинения - что, в свою очередь, опирается на то, что основание в этой причинности всегда лежит вне следствия, или ему предшествуя во времени, или с ним не совмещаясь в пространстве. Так как прикосновение может быть лишь между тем, что имеет в пространстве место, и притом занимает его так, что имеет границы начала и окончания (через которые и происходит соприкосновение), то понятно становится, почему сферою механизма всегда считалась

только область грубого вещества: оно одно замещает собою пространство и разграничивает его своими частями.

Повсюду, где наука выходила из сферы вещества и пыталась сохранить механически-причинный способ объяснения (например, в психологии, этике, политике, истории), её указания по этому самому теряли ясность и определённости. Мы можем заметить только, что рассматриваемый способ объяснения в этих сферах духовной и исторической жизни должен выразиться тем, что причины каждого изучаемого факта должны быть относимы или к фактам предшествующим в той же духовной или исторической жизни, или окружающим влияниям; в последнем же анализе - только к последним. Ибо и каждый предшествующий факт в свою очередь должен разложиться на часть, произведённую ещё ранее окружающими условиями и т.д., до тех пор, пока в начале не окажется дух человеческий, как *tabula rasa*, как чистая способность воспринимать влияния, и окружающая природа как источник этих влияний. Об этих последних следует сказать, что они бывают трёх родов: как понуждение к большей или меньшей степени труда, как способствование к той или иной форме труда, и как впечатление. Два первые рода влияний обуславливают собою внешнюю и материальную сторону жизни, её способ; третий род - духовную, определяя её характер и содержание. Кроме отсутствия ясности и определённости, в этих объяснениях следует отметить ещё одну сторону, и притом самую важную: они никогда не бывают объяснениями достаточными.

Из принципа прикосновения вытекают следующие положения:

1. Изменение, возникающее по началам механической причинности, всегда есть перемещение. Это потому, что занимающее место в пространстве и имеющее границы в нём может действовать на что-либо внешнее для себя не иначе, как перемещаясь; при нём границы его стремятся занять место, занятое границами внешнего. И так как совместность их невозможна, иначе одно из них стало бы внутренним для другого, что противоречит постоянной раздельности в механизме изменяющего от изменяемого, то и происходит перемещение внешнего. Отсюда вытекает определение сферы механизма.

2. Сфера механизма есть движение, его количество и направление. Это потому, что перемена места и есть движение, которое может быть рассматриваемо лишь в двух отношениях: количества и направления. Масса движущегося и скорость движения, что также рассматривается в механике, суть только элементы, на которые разлагается при дальнейшем анализе количество движения.

3. Изменение в механическом процессе всегда возникает в направлении обратном положению, занимаемому причиною, которая его вызвала. Это положение представляется нам самым важным из всех, которые вытекают из рассматриваемого начала. Оно раскрывает истинное отношение, которое существует между каждыми двумя смежными звеньями механического процесса, определяя его как отталкивание. Таким образом, механические причины всегда суть причины вымещения, выхода из прежнего положения (и на сколько им обусловлено - состояния); их действие не простирается далее настоящего, которое они разрушают. Реальность и ограниченность присущи им в высшей степени: их каждое действие становится фактом, но этот факт может иметь место только здесь и теперь. Никакое влияние на отдалённое или будущее, согласование того и другого с настоящим – не доступно для них. Единственное, что предопределяют собою они, - это то, что наблюдаемая реальность (предмет их воздействия) не сохранится более, и что имеющее возникнуть на её месте - будет уже иное, с нею не сходное. Далее этих отрицательных представлений, которые оставляют место для безграничного множества положительных, мы не можем пойти, наблюдая механические причины. Быть может, им же - механическим причинам - будет принадлежать и определение положительного образа того, что заместит разрушаемое настоящее; но эти причины будут уже вне всякой зависимости от теперь и здесь действующих, явятся по отношению к ним в высшей степени побочными и случайными.

III. В механической причинности следствие или не варьирует, или, варьируя, рассеивается по мере удаления от причины, его вызвавшей. Если начало отталкивания определяет внутреннюю связь между отдельными звеньями всякого механического процесса, - то начало, к которому мы переходим теперь, определяет форму этого процесса в его целом. Основывается оно на необходимости тождества между

содержимым причины и содержимым следствия. Мы не будем здесь приводить полного доказательства, почему это тождество никаким образом не может быть нарушено, и ограничимся лишь замечанием, что всякое подобное нарушение было бы или абсолютным исчезновением некоторой реальности, или возникновением реальности же из ничего. Причина и её следствие есть одно, но различно размещённое и в последующие времена с иным соотносящееся, нежели с чем соотносилось прежде, - откуда и возникает кажущееся несходство между ними. Хорошим пояснением этой истины может служить простейший вид механизма - движение: оно ни во что не преобразуется, кроме движения же, и если иногда переходит в явления, по-видимому, не имеющие ничего общего с перемещением (теплота, свет и проч.), то более глубокое изучение этих явлений обнаружило во всех них присутствие движения же, но только происходящего в иной среде (например, в эфире) и по иному способу.

Если этот общий закон мы применим к двум видам механической причинности - сосуществованиям и преемствам, то и получим начало, только что формулированное выше. И в самом деле, там, где следствие одновременно со своим основанием, оно не варьирует, ему чужд процесс - потому что оно не может ни отойти от своего основания во времени, ни воспринять в себя какого-либо различия сравнительно с ним: последнее возникало бы из ничего. Характерным примером такой одновременной и неподвижной зависимости может служить рыночная цена продукта, которая остаётся тою же, не варьирует, пока не варьирует соотношение между спросом и предложением; или неподвижное стояние приподнятого груза на одной чашке весов, пока на другую её чашку давит наша рука. Чтобы точнее определить важный здесь термин «не варьирует» - заметим, что он обозначает отсутствие количественного изменения в следствии сравнительно с причиною, что, отрицая в нем всякое умаление, он отрицает и всякое возрастание в нём, и притом не только действительное, но хотя бы и кажущееся.

Так происходит в сосуществованиях. В преемствах следует различать два случая: один, когда к созданному следствию не привходит на всём протяжении бесконечного времени никакого воздействия новых причин, и другой, когда оно подвергается такому воздействию влиянию. Первый случай возможен в отвлечении и,

быть может, имеет место в обращении небесных светил. Его пример - движение тела, получившего удар, которое без привходящих воздействий становится бесконечным и равномерным. Собственно, причина бесконечности здесь лежит в том, что первое следствие (перемещение тела на расстояние, равное тому, которое было пройдено ударившим телом) без привходящей причины не может стать ничем иным, как только своим повторением, то есть, по закону тождества между причиной и следствием, движением таким же по величине и скорости и так же направленным, - это последнее может перейти опять только в движение, и т.д. до бесконечности. Этот первый случай являет тоже отношение следствия к причине, какое мы наблюдаем в существованиях: следствие и здесь не варьирует, оно вытягивается в процесс, все звенья которого тождественны между собою, и ряд их бесконечен. Отметим, что и здесь, наряду с отсутствием умаления, отсутствует и какое-либо возрастание.

Второй случай обнимает собою всё в природе - ему подчинена она если не в целом своём, то в том, что заключено в её недрах; что не она, но в ней. Рассмотрим и здесь соотношение между причиной и следствием.

Первое следствие повторяет собою причину, - но пусть уже во второй момент своего существования оно встречает привходящее воздействие новой причины, от первой независимой. Оно тотчас разделяется: противодействуя (по закону механики) второй причине, оно часть себя отдаёт на это противодействие. Пусть далее оставшаяся часть подвергается новому воздействию третьей привходящей причины: на противодействие ей следствие опять отдаёт часть себя, и следовательно продолжает существовать уже как часть части. Закон тождества между причиной и следствием при этом не нарушается: первая сохраняется, но только разделённою, и одна часть её существует в одном месте пространства, другая - в другом. Наконец, когда в бесконечном времени число воспринимаемых первою причиной (собственно уже её частями) воздействий становится безграничным, безграничным становится и число частиц, на которые она разделяется: в текущем времени она рассеивается; нисколько не умаляясь в действительности, она становится ненаблюдаемою более, не исследимою. Это и производит то, что мы обозначаем словом

«исчезновение»: оно относится к полю наблюдения, к сфере созерцаемого.

Так как этот последний случай имеет очень обширное место в природе и характерен для соотношения между причиной и следствием, то и самое начало, его включающее, мы назовём началом рассеяния. Оно определяет, что механическая причина, никогда не возрастая в последующих модификациях, обыкновенно умалывается в них через рассеяние. Всякое возрастание, усложнение в строении и расширение в содержании безусловно чуждо механической причинности, никаким образом необъяснимо из неё.

Никогда сами не возрастая, причины могут, однако, если что-либо направляет их действие к одному центру, произвести возрастание в том, что ими создаётся. Как на пример подобного явления, можно указать на возрастание сталактитов и сталагмитов в пещерах, верхние покровы которых содержат воду и известь. Можно заметить о всех подобных случаях, что 1) возрастание в одном месте здесь совершается на счёт рассеяния во всех окружающих местах (вода просачивающаяся и уносимая известь в сталактитовых пещерах) и 2) возрастающее приобретает в последующие времена различия количественные, но никогда - качественные; оно однородно - ему чуждо строение, если этого строения уже не было в расположении причин.

IV. Механически причинный процесс есть всегда неопределённый: начало ограничения, принудительных форм или непереступаемых пределов - чуждо ему.

Это свойство механических процессов обуславливается направлением в них следствия, которое обратно положению причины. Связанные отношением отталкивания, звенья каждого такого процесса имеют определённость в прошедшем, которое уже было, которое есть факт или явление, эти - определённые, а не какие-нибудь вообще; но они не имеют определённости в будущем - её нет для того, что имеет наступить. Каждое последующее звено здесь определено (предыдущими звеньями) только для первого момента своего существования, но уже не определено для второго - когда воздействие ни с чем предыдущим не согласованной новой причины может

изменить его вне всякого соотношения с тем, чем оно было ранее. По закону тождества между содержимым причины и содержимым следствия и согласно принципу, что в механизме изменяемое бездейтельно по отношению к изменению, которое в нём возникает, - каждое явление в механически причинном процессе, которое является последним, или должно вечно оставаться тождественным себе, или изменяться, но лишь от привходящих причин. И так как действие этих последних не предопределено в ряде причин, предшествующих рассматриваемому последнему явлению; ни этот ряд никаким образом не содержится в них; ни они все - друг в друге, так как независимы одна от другой, - то ясно, что вообще нигде не предопределено, чем станет в последующие времена данное наблюдаемое явление.

Это по отношению ко всякому механическому процессу, к каждому отдельному явлению в нём и ко всякой отдельной вещи, которая им создаётся. Но в механизме есть ещё и иная неопределённость - именно в соотношении между созидющим и создаваемым. Какой бы механический процесс мы ни наблюдали, сравнивая его повторения в разные времена и в разных местах, мы найдём, что создаваемое им не является необходимо одно - будет ли то вещь, состояние, заканчивающее явление; напротив, смотря по тому, с чем процесс соотносится, что его окружает и с ним встречается, он производит различное, сам оставаясь, однако, тем же. Так движение производит и движение же, и теплоту, и звук; оно и ускоряет движение другого тела, и замедляет или останавливает его. И наоборот: вещь или явление, которое создаётся данным наблюдаемым процессом, создаётся не необходимо им одним, но и многими другими процессами, с ним не сходными. Так теплота, вызванная ударом движущегося тела, в иных местах вызывается и трением, и гниением, и лучом солнца; или жидкость - и разрежением твёрдого, и сгущением парообразного. Таким образом, в механической причинности нет определённого соотношения между вещами (в обширном смысле) и процессами; в ней каждое существует для многого и через многое, но не для одного и не через одно.

С началом неопределённости аналогичен последний принцип, который мы желаем указать в механически действующей причинности. Этот принцип можно формулировать следующим образом:



V. Ничто в механически-причинном процессе не есть преимущественно перед другим часть, и ничто же не есть - преимущественно целое. Понятие целого - что уже замкнуто в себе, закончено; что, отсутствуя, делало бы неполным существование остального, - чуждо всякому механизму и всему, что возникает через него. Нет в нём достаточно великого, и нет настолько малого - о чём мы не могли бы сказать, что оно целое. В нем все продолжается, всё частично и дробно, ничто и никогда не получает завершения и окончания. И это также происходит от направления следствия, которое обратно положению причины: в каждом следствии, которое мы наблюдаем как последнее в механическом процессе, он собственно уже закончен, - и если в действительности он бесконечно продолжается, то и самое продолжение, и все качественные различия наступающих вариаций находятся вне всякого отношения к ряду причин, лежащих в этом именно процессе, последнее звено которого мы рассматриваем. Таким образом отсутствие цельности в механическом процессе (и в том, что создаётся им) прямо вытекает из отсутствия цельности в нём; его вечная частичность - из всегдашней неопределённости.

Из этого начала вытекают следующие положения:

1) На какой бы стадии совершения мы ни прервали механический процесс, - то, чем он заканчивается в этой стадии (будет ли то вещь или явление), не имеет планомерного строения.

2) Сколько бы мы ни взяли звеньев в механическом процессе, их преемство не сложится в последовательное развитие.

Здесь под планомерностью строения мы разумеем так согласованное расположение частей, что наблюдение некоторых из них уже открывает существование остальных, как дополнения и завершения ясно неполного и незавершённого. Эта согласованность, являясь строением в пространстве, во времени является последовательностью: как там одновременно существующие части, лишь дополняя друг друга, возрастают до целости, - так здесь преемственные явления соотносятся таким образом друг с другом, что каждое, завершая что-либо в предыдущем, всё ещё имеет в себе некоторый недостаток, который пополнится в последующем - пока

последнее явление, в котором завершится процесс, не представит собою связанное и замкнутое соединение всех черт, которые порознь и недоконченные наблюдались уже в предыдущих звеньях процесса, умаляясь с каждым приближением к его началу.

3) Механически причинный процесс может быть всегда прерван и всячески изменён, но никогда - разрушен. Он может быть прерван - если напряжение последнего изменения, которое возникает в нём, встретит сопротивление равного напряжения, исходящее или из какого-нибудь другого независимого процесса, или из сознательной воли, например, человека. Он может быть всячески изменён - смотря по тому, что будет придано к его последнему звену. Но и прекращаясь, он не разрушается - потому что всё, что в нём уже совершилось, останется тем же; а чем стать ему в будущем (к этому одному и относится прекращение или изменение) - это не было предопределено в нём. Понятие разрушимости не отделимо от представления целости, потому что только к этому последнему и относится. И то, что есть всегда только часть, но и вместе - всегда целое, - ничего в себе не утрачивает, что бы мы от него ни отняли; равно как ничего не приобретает, что бы мы к нему ни присоединили.

4) В механически причинном процессе и в том, что создаётся им, всё равнозначуще: понятия главного и второстепенного, существенного и незначущего - чужды ему. Это опять потому, что в нём нет целости - смотря по отношению к которой мы и различаем во всём главное от второстепенного: что необходимее для достижения целости, что более приближает к ней - существеннее того, без чего, хотя бы и с трудом, но может быть достигнута эта целость, или что не так приближает к ней, к завершению и окончанию.

Вот если и не все, то главные черты механической причинности - те, по которым мы распознаем безжизненные явления и процессы, мёртвую природу. Почти каждая из этих черт, если глубже вдуматься в неё, представится нам необыкновенно характерною, чрезвычайно значущею. Отсутствие какого-либо внутреннего принципа для изменения, бездеятельность к себе и безразличие к внешнему, бессвязность - вот эти черты бездушной и холодной природы, которая вся - внешность, в которой - одно стремление - к вечному покою, к

сохранению тождества с прошедшим. Но из этих черт самую существенную нам представляется одна, которая, по-видимому, не столь выделяется, менее бросается в глаза: это - отсутствие предела, грани, принудительной формы. Может быть найдено нечто третье, в чём примиряются причинность и целесообразность, где они соединяются; но разделение между ними начинается именно с понятия предела. По одну сторону его остаётся царство беспредельного, неограниченного, могущего всем стать, но ничем по необходимости, - это и есть царство механической причинности; по другую сторону лежит мир вещей и явлений, подчинённых началу предела - это мир живых форм, вечного стремления осуществить то или иное, - и то, что живит эти формы, что устремляет эти процессы, есть именно предел, или как осуществлённый уже - и тогда он только сохраняет, или как ищущий осуществления - и тогда он движет и направляет. Понятие предела, грани есть, быть может, самое великое понятие, которое наука и философия могут приложить к объяснению природы - потому что он сам, этот предел, есть то, что делает её тем, что она есть, - есть её сущность. Снимите это понятие с природы - и она обратится в хаос; вложите в хаос это понятие - и он превратится в космос, как в гармонию, как в красоту, как в разумность.

Если же мы захотим отдать себе отчёт в том, что такое это понятие предела, - мы увидим, что оно есть самый существенный элемент второго начала, которое после причинности господствует над всем движущимся и варьирующим - начала целесообразности. К рассмотрению этой последней мы и обратимся теперь.

### III

Несомненные образцы целесообразности даны нам в целесообразной деятельности самого человека. Однако, выводя свои положения о ней, мы не будем только делать обобщения наблюдаемого; путь такого исследования всего более чужд нам. Напротив, мы будем выводить эти положения из самого понятия о том, что такое цель и средство, замысел и осуществление - что одинаково присуще целесообразности, где бы и когда она ни происходила. Это не

правила антропоморфической целесообразности - это правила всякой целесообразности, находящие своё осуществление также и в человеческой.

Прежде всего определим состав целесообразного процесса. В отличие от причинности, которая всегда двучленна (причина - следствие), целесообразность имеет строение более сложное; её образуют: цель, средство (элемент, могущий иметь в свою очередь весьма сложное строение), идея цели и разум как творческий источник неопределённого числа целесообразных процессов. Два последние элемента целесообразности суть чисто идеальные, и они не могут быть открыты ни для кого, кроме самого субъекта, из которого исходит целесообразный процесс; напротив, два первые элемента могут быть и материальны. Собственно из них и состоит целесообразный процесс, насколько он открывается для внешнего наблюдения: последнее, сколько бы ни анализировало этот процесс, никогда не найдёт в нём ничего, кроме отдельных звеньев и последнего между ними, на котором процесс закончился. И, только всматриваясь в способ соединения этих звеньев, и в их черты, когда они взяты в различные моменты процесса, наконец, изучая их все в соотношении с последним звеном, внешнее наблюдение может открыть, что процесс исследуемый не есть причинный, но целесообразный.

Дадим определение трёх остальных членов целесообразного процесса: идея цели есть образ или понятие чего-либо, что может быть осуществимо и что творческим источником её - разумом признается достойным осуществления (например, образ статуи или понятие о форме государственного устройства). Таким образом, по времени идея цели предшествует всему целесообразному процессу, и собственно она и есть движущее и направляющее начало в нём. И только потому, что она не одной природы с процессом (идеальное - вещественное) и что она тождественна по соотношению частей, по строению своему, с целью, а эта последняя уже одной природы с процессом и соединена с звеньями его непрерывающимся соприкосновением, - мы говорим, что основание целесообразного процесса лежит в цели. Далее, эта последняя есть осуществлённая идея цели - то есть образ или понятие, получившее объективное положение по отношению к творческому источнику через соединение с тем, что способно его выразить (статуя,

государство). Наконец, средства - это совокупность всех звеньев целесообразного процесса, подготовляющих последнее, и заканчивающее звено - цель.

Заметим, что в цели осуществлённой значущее есть форма, строение - как соотношение между частями, как их расположение и связь. Потому что в этом одном она тождественна с идеею цели, которая через целесообразный процесс и ищет своего выражения. Поэтому и связь между целью и промежуточными звеньями целесообразного процесса есть также связь по строению, соотношению частей.

Всякому целесообразному процессу присущи следующие черты:

1. Согласованные нарастания. Первая фаза целесообразного процесса (или того, в чём он возникает) есть всегда или однородное простое, или сложное, но вне соотношения с наступающим сложением; поэтому всякий раз, когда это чуждое строение имеет место в первоначальном материале, некоторая доля целесообразной энергии затрачивается на то, чтобы преодолеть его, изгладить. Последняя фаза процесса (цель) будет иметь строение, тождественное с тем, которое представляет собою идея цели. Все промежуточные фазы, как имеющие осуществить это строение, будут представлять собою: 1) некоторое строение же - иначе они не соотносились бы с целью, не были бы средством для неё и, следовательно, не входили бы фазами в целесообразный процесс; 2) в строении этом будет некоторый недостаток сравнительно с строением цели, потому что без такого недостатка данная фаза была бы уже целью, и процесс не продолжался бы; 3) в нём (строении) не будет ничего вне соотношения с строением цели: каждая его черта или сохранившись войдёт в сложение цели, или преобразившись создаст необходимое в этой же цели. Итак, по строению своему цель всегда есть самое сложное сравнительно с остальными фазами процесса. Что касается до последних, то в них недостающее в сравнении с строением цели всегда будет убывать по мере приближения к этой последней, т.е. сложность будет нарастающею во времени.

Эти нарастания будут все согласованными, и цель есть то, что согласует их. Потому что, сравнительно с отдельными фазами процесса, цель не только более сложна по строению, но она, кроме

того, есть целое, в котором все черты этого сложения сомкнуты. И естественно, что эти черты не только не появляются в предыдущих фазах разом, но что и каждая из них в отдельности есть вначале черта ещё недостающая; так что процесс усложнения нужно представлять не только как последовательное появление черт сложения, но и как возрастание каждой из них в отдельности до той степени, когда бы она могла быть соединена с остальными. Это соотношение разрозненного и недостающего, что в последующие времена стремится возрасти до цельности и сомкнутости, мы и называем согласованностью: потому что в этом процессе каждое появившееся или согласуется с ранее возникшим, дополняя его, или согласует с собою только ещё возникающее, дополняясь им. Это и придаёт как бы мысль всему процессу; и она действительно есть в нём, приводя в соответствие все его звенья и каждую черту во всяком из них: существуя разновременно и не в одном месте, они, однако, как бы чувствуют одна другую и гармонируют друг другу через пространство и время, без чего-либо промежуточного, без всякого соприкосновения. Но это потому, что в цели есть это соприкосновение (между ними), что она одна и в ней они одновременны.

2. Определённость есть вторая особенность всякого целесообразного процесса. Она основывается на том, что черты каждой фазы в нём находятся в соотношении с чертами последней, которая одна и есть определённая. И, так как это соотношение выражается в недостатке (сравнительно с строением цели), то, следовательно, этот недостаток есть недостаток *до* определённого. Целесообразный процесс, который движется между конечною фазою и этою наблюдаемою, есть, таким образом, переход от определённого к определённому по линии их соединения, то есть определённый же. И сверх того, так как цель тождественна по строению с идеею цели, и эта последняя предшествует по времени всему целесообразному процессу, то он является в одно и то же время и предустановленным.

3. Необходимость и принудительность, которая замечается в смене фаз целесообразного процесса, обуславливается особенным соотношением между целью и средствами: вторые заимствуют всё своё значение от первой, и вне соотношения с нею - не имеют силы к существованию. И так как то, что обуславливает это существование их,

лежит ещё в будущем, что даёт им силу быть - лишь станет и именно через них, то всею энергиею бытия своего они обращены к этому будущему. Существовая лишь настолько, насколько (другое) станет, они все обращены к нему; прошедшее для них незначуще, есть некоторое как бы страдание, есть то беспокойное в каждом звене целесообразного процесса, которое утихает лишь с приближением к цели, к источнику их жизни, к оправданию их бытия, которое ранее было неоправданным. Поэтому в каждом отдельном звене можно наблюдать, что энергия жизни его вся примыкает к последующему и отходит от предыдущего, что и становится почти механической причиною возникновения за ним другого звена, - и так до конца, до цели, все с возрастающею полнотою форм, все с увеличивающеюся твёрдостью бытия.

Конечно, нельзя отвергать, что в некотором особенном смысле цель в полном своём составе присутствует уже в каждом звене целесообразного процесса; но только в существовании её здесь есть недостаток: она становится через звенья, она в них предшествует - но лишь как тень, по которой они взбираются до оттеняющего. И, однако, звенья имеют полноту существования, то есть избыток его, - в сравнении с существованием цели, которая есть их причина. Это можно объяснить только тем, что в каждом целесообразном процессе происходит как бы преобразование и взаимное замещение двух явлений, которые относятся к совершенно различным порядкам бытия. Цель, по-видимому, и при неполноте своего существования потому даёт силу для полного существования средства, что она неизмеримо превосходит их в своём достоинстве, в полноте форм и красоте жизни; так что избыток в совершенстве здесь как бы возмещает недостаток в реальности - выполняет то, что в обычном порядке природы могло бы принадлежать только последней. И по мере того, как звенья приближаются к цели и существование последней возрастает до полноты, уменьшается до исчезновения различие в достоинстве между ею и ими.

4. Во всяком случае, из указанного отношения между целью и средствами вытекает разрушаемость всякого целесообразного процесса. Каждый раз, когда цель почему-либо становится неосуществима, когда или она закрывается или из процесса выпадает

необходимое звено - весь ряд звеньев, который уже был осуществлён, рассыпается: потому что нет основания более для их существования; нет причины, которая ранее им давала силу бытия. Прервать их соотношение с целью - значит погасить в них силу жизни. И если они удерживают после этого перерыва на некоторое время прежнюю форму и иногда прежнее расположение, то лишь по инерции, вследствие отсутствия привходящей причины. Но раз появится эта причина - они пассивно подчинятся её влиянию, бездеятельные ко всякому новому изменению, безразличные к тому, чем стать.

Вот особенности целесообразного процесса - и они все противоположны тем, которые мы отметили ранее для причинности. Сравнивая их между собою, мы найдём, что некоторым особенностям причинности нет соответствующих в целесообразности. И они действительно не указаны нами, потому что являются уже не общими для всех целесообразных процессов, но различными в каждом из двух видов, на которые эти процессы распадаются.

#### IV

Господствующий член целесообразного процесса, который как идея предшествует ему во времени (идея цели), может или *заключаться внутри его*, или иметь по отношению к нему *наружное положение*. В первом случае целесообразность будет внутренней, во втором внешней. Как на пример этой последней можно указать на всю деятельность человека, которая совершается по целям, им произвольно выбранным; как на пример первой - можно указать на деятельность его, которая бессознательна и непроизвольна. (Это деятельность всегда не причинная). Так, построение здания или установление формы государственной жизни в среде данного народа есть внешняя целесообразность - потому что замысел здания и идея политической формы имеют внешнее положение по отношению к процессам построения здания и преобразования государства, равно и к материалу, который варьирует в этих процессах (дерево, люди), и к конечной форме, которая ему придаётся (здание, государство). Напротив, зарождение и постепенный рост самого замысла или идеи



есть процесс внутренней целесообразности, потому что причина изменения первого и второй лежит внутри их самих: в правильности возникшего; в его способности (при осуществлении) выразить известное чувство или мысль; и в том, что это выражение станет полным и совершенным, если путём внутреннего развития возникший замысел или идея, которые вначале всегда просты, превратятся в сложное представление или в сложную систему понятий.

Различие между этими двумя видами целесообразного процесса заключается в способе возникновения каждого последующего звена и в степени участия при этом причинности.

Во внешней целесообразности идея цели, отделённая от среды, в которой она осуществляется, не может привести эту последнюю в соответствие с собою иначе, как через причинность. Поэтому каждое последующее звено здесь возникает по строго механическим основаниям, и эти последние имеют значение производящее, созидающее. Так, в построении здания каждое поднятие груза (камня, доски) обуславливается механическим давлением снизу, всякое перемещение материала - причиною, имеющею положение обратное с направлением перемещения. Целесообразность привходит здесь лишь как направление, в котором соединяются и примыкают одно к другому последовательные звенья, то есть, перенося это на причины, - в планомерном расположении и последовательном возникновении этих последних, что уже не лежит в них самих. Это привходящее направление, которое согласует звенья процесса, и есть единственный признак, по которому может быть узнана в нём целесообразность. Что касается до способа возникновения каждого звена, то он заключается всегда в сложении, соединении ранее разъединённого; и это также потому, что здесь идея цели отделена от среды своего осуществления: эта среда имеет вообще размещение и строение, не соответствующее тому, которое она должна принять для осуществления идеи цели, и поэтому каждая часть её, хотя иногда предварительно и отделяется от другой, но перед моментом, в который становится уже частью цели, всегда и только соединяется с какою-нибудь третьей. Таким образом, по существу своему и по виду, внешняя целесообразность всегда представляется как процесс построения: идея цели строится через материал ей чуждый, действуя на него посредством механических

причин, которым она придаёт соответствующую с собою планомерность и нужную последовательность.

Во внутренней целесообразности идея цели, заключённая в среде своего осуществления, не действует на него через посредство механических причин. Последних и нет здесь, потому что (как было показано выше) они всегда имеют наружное положение по отношению к тому, на что могут действовать. Но, распадаясь при своём развитии, идея цели производит распадение и среды, её заключающей. Это распадение есть постоянный и единственный способ, посредством которого идея, имеющая первоначально всегда простое и общее выражение, переходит к полноте своего содержания - через ряд посредствующих идей, причём конкретность последних возрастает по мере того, как увеличивается их число и разнообразие, и, следовательно, сложность первоначальной идеи, которая их выделила из себя<sup>1</sup> и продолжает содержать в себе. Таким образом, в противоположность внешней целесообразности, при внутренней каждое последующее звено процесса возникает через распадение предыдущего, и, следовательно, единство звена при двойственности его строения может быть сохранено не далее второй фазы процесса: в дальнейшем его ходе не звено только усложняется, распадаясь, но - он сам, превращаясь в систему процессов, из которых каждый движется самостоятельно, лишь согласуясь с остальными, так как идея цели остаётся постоянно одна для всех. Идея (цели), осуществляясь раскрывается в систему низших идей, - причём из каждой предыдущей выделяется несколько последующих, ей в точности равных, но лишь отчётливее выражающих то, что в ней было выражено обще и неопределённо. И по существу своему, и по наружному виду, который он представляет для внешнего наблюдения, это есть процесс самораскрытия. Соответственно господствующему значению, которое имеет в нём для всякого возникающего изменения идея цели,

---

<sup>1</sup> Этот процесс всего удобнее было бы назвать процессом самораскрытия идеи. Объяснить его ход и причину для того, кто никогда не испытывал в себе формирования идей - их первоначально смутное и бедное зарождение, затем постепенное уяснение и рост, вытесняющий из сознания все посторонние мысли и нередко подавляющий самые естественные чувства, наконец превращение в сложную систему переплетающихся понятий, - объяснить все это, повторяем, для человека, чуждого идейному развитию, - очень трудно. Напротив, для того, кто испытал в себе формирование идей, достаточно намекнуть на это, чтобы объяснить, в чем дело, - что за процесс раскрытия, о котором говорим мы.

значение механической причинности является здесь слабым. Но оно всё-таки есть: ничего не производя, эта причинность многое здесь обуславливает. Имея наружное положение по отношению к процессу, она иногда задерживает возникновение последующего звена, или стесняет и искажает ту форму, которую оно приняло бы, если бы не было стеснено. Причём если это стесняющее влияние производится на звено, необходимое для достижения цели, то по общему закону всякой целесообразности - процесс разрушается.

Вот виды генезиса, которые исчерпывают собою возможные соотношения между его звеньями и, следовательно, обнимают собою всю природу. Не следует думать, что в живой действительности процессы совершаются в той чистоте и отдельности, как мы их представили здесь для отчётливости. Но, смешиваясь, переплетаясь и перерывая друг друга, они даже в частях своих представляют для нас черты достаточно ясные, чтобы мы могли распознать их природу. Всякий раз, когда мы имеем хотя бы несколько звеньев от процесса, ни о завершении, ни о начале которого ничего не знаем, всматриваясь в строение их и взаимное отношение - мы можем с точностью определить, какого характера причины, их вызвавшие и движущие.

## V

Теперь мы можем возвратиться к предмету, частное рассмотрение которого так надолго оставили для этих общих рассуждений. Органический мир, следы которого сохранены для нас в пластах земли и строение которого, в его целом, изучается в систематике, предоставляет для нас достаточно много звеньев, чтобы мы могли определить природу того процесса, через который произошёл он. Начавшись с *простейших форм* - с органической клеточки, чуждой какого-либо строения, *он* в течение тысячелетий *возрос до сложности*, которую мы в нём наблюдаем теперь. В течение этого долгого времени он *никогда не упрощался*, его сложность была всегда нарастающею. Как ни велик и ни многообразен он, мы нигде не наблюдаем в его формах несоответствий - ничего, что взаимно препятствовало бы одно другому, или хотя находилось бы вне всякого отношения к прочему.

Его вариирование во времени, всегда только поступательное, разлагается на моменты подготвления и завершения: нет ничего, что, начавшись, не оканчивалось бы; что, уже полуразвившись, возвращалось бы к прежнему состоянию. И в то время, как он переходил от форм к формам, - единственное, что могло бы действовать на него, как внешняя причинность - окружающая природа - оставалось всё тем же, т.е. в нём мы имеем варилирующее, кругом которого было постоянное. Ни законы химических соединений, ни природа физических явлений, ни самая борьба за существование не изменялись с тех пор, как существует земля. Изменения температуры земного шара и распределения суши и воды было единственное, что произошло в прошедшем, но второе не могло создать никаких новообразований в органических формах, а первое не могло произвести в них усложнения. Но допустим, что в причинах, которые извне и механически давили на органический мир, в отдалённые времена происходили перемещения, которые остались скрыты от нас: они могли произвести только перемещения же, то есть беспорядочную смену одних форм другими. Но чтобы породить планомерно устроенное (органический мир допускает классификацию себя) и последовательно усложнявшееся - они сами должны были быть планомерно же устроены и последовательно усложняться. Но тогда процесс возникновения органического мира, при строго причинном образовании всякой формы его, был бы в целом произведением внешней целесообразности: он был бы процессом построения.

Таким образом нет способа мысли, который мог бы удержать причинное объяснение для устройства и происхождения органического мира. Самое согласие на эту причинность приводит к признанию одного вида целесообразности же. Но это не тот вид её, по которому происходят наблюдаемые явления органического развития. Мы никогда не видим, чтобы возникающие формы слагались, строились через внешнее *соединение* образующих черт. Напротив, *деление* прежде бывшего есть постоянный способ возникновения здесь нового. Вспомним первую стадию эмбриологического процесса: в замкнутой клетке с однородным содержанием вдруг появляется продольное деление, и она распадается на две клетки. Во всей природе есть только один способ, которым может произойти это простое явление: способ

действия внутренней целесообразности. И что происходит в этом первом явлении, где зарождается органическая жизнь, то повторяется на всех ступенях её развития, одинаково в растительном и животном царстве: органические новообразования никогда не слагаются из частей своих - они всегда развиваются через распадение простейшего на более сложное. То есть внутренняя целесообразность движет и направляет органический мир в каждой его части и во всём его целом.

*Источник: Розанов, Василий Васильевич (1856-1919). Природа и история сборник статей / В. В. Розанов. — Санкт-Петербург: издание П. Перцова, 1900. — [4], IV, 268 с.: 22 см.*